

Маркс в «Ориентализме» Эдварда Саида: принадлежит ли разум Западу, а сердце – Востоку?¹

Я начну статью с того, что поясню читателю ее цель.

Всего лишь на четырех страницах своей книги «Ориентализм», которая до сих пор вызывает огромный интерес и жаркие дискуссии в арабском мире и за его пределами, Эдвард Саид обсуждает отношения Маркса с ориенталистской мыслью и азиатским Востоком. Цель данной статьи – обсудить только слова, которые напечатаны на страницах 170–173 арабского издания этой книги, состоящего из 366 страниц:

«В основе всех достижений первых ориенталистов и того, что использовали западные непрофессионалы, лежала одна и та же схематичная модель Востока, удовлетворяющая теоретическим (и, что едва ли менее важно, практическим) требованиям преобладающей, доминирующей культуры»².

Я начну с этого предложения, чтобы ввести читателя в базовую рамку, которая направляет мысли автора на протяжении всей книги: Восток, о котором говорят ориенталисты, – это не Восток сам по себе, а «Восток», который ориенталистская мысль конструирует, следуя своим представлением, соответствующим «преобладающей и доминирующей культуре». На Западе эта культура – культура господствующей буржуазии. Однако саидовский текст не определяет ее исторический классовый характер, а довольствуется утверждением, что это культура Запада, или европейская западная культура. И [с точки зрения Саида] она «преобладает и доминирует», поскольку эта западная культура, а не культура господствующей буржуазии. Отрицая ее классовую и историческую природу, это саидовское определение отрицает возможность существования ее противоположности – и из-за этого отрицания она приобретает универсальный характер и занимает все культурное прост-

1 Перевод выполнен по: АМЕЛЬ М. *Mārks fī Istishrāq Idwārd Sa'īd: Hal al-'aql li-l-gharb wa-l-qalb li-sh-sharq?* // al-Karmil. 1982. № 6. P. 35–37, 39–44.

2 Здесь и далее Саид цитируется по: Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Перев. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. С. 242.

ранство. А это именно то, к чему она стремится, пользуясь своим доминантным положением. Она стремится отвергнуть все иное, казаться единственным проявлением культуры.

Однако между действительным историческим существованием западной культуры как культуры господствующей буржуазии, то есть культуры господствующего класса, и формой существования, на которую она претендует – звание абсолютной культуры и культуры всей нации, – существует различие. Оно незаметно для тех, кто смотрит на историю через призму идей доминирующего класса, даже если они смотрят критическим взглядом. Но это различие заметит всякий, кто рассматривает историю с противоположных классовых позиций, в процессе борьбы и противоречий между двумя сторонами. Отсюда и проистекает необходимость подходить к истории с позиций материализма, чтобы анализ мог быть научным.

Что касается рассуждений, которые уравнивают одно с другим, то они отрицают противоречия и борьбу в истории идей и воспринимают культуру как единое целое, то есть видят в господствующей, или «преобладающей и доминирующей», культуре всю культуру, не допуская возможность существования ее противоположности. Такой подход можно назвать по меньшей мере идеалистическим, смотрящим на историю глазами господствующей культуры, даже если он пытается быть против нее. Как мне кажется, воплощением этого является то, как Эдвард Саид видит Маркса и его связь с идеями ориентализма. Непосредственно после приведенной выше цитаты он говорит:

«Иногда бывали и исключения или во всяком случае более интересные и сложные варианты понимания этого неравного партнерства Востока и Запада. Карл Маркс ввел понятие азиатской экономической системы при анализе в 1853 году британского владычества в Индии, но мимоходом отметил, что обнищание народа было вызвано вмешательством в эту систему английских колонизаторов, их ненасытностью и неприкрытой жестокостью. От статьи к статье у него росла уверенность в том, что, даже разрушая Азию, Британия создает предпосылки для подлинной социальной революции. Стиль Маркса подталкивает нас к тому, чтобы мы, пусть и против воли, подавили в себе естественное возмущение, вызванное страданиями наших восточных собратьев, пока их общество подвергается насильственной трансформации: ведь это происходит в силу исторической необходимости»⁵.

- 3 О внутренних противоречиях в ЛКП см.: Мурувва К. *Великие коммунисты в истории Ливана* // Неприкосновенный запас. 2022. № 6(146). С. 200–211.
- 4 FRANGIE S. *Theorizing from the Periphery: The Intellectual Project of Mahdi Amil* // International Journal of Middle East Studies. 2012. № 44. P. 465–482. Перевод отрывков из избранных произведений автора опубликован в: SAFIEDDINE H., GIORDANI A. (Eds.). *Arab Marxism and National Liberation. Selected Writing of Mahdi Amel*. Leiden; Boston, 2020.
- 5 Саид Э. *Указ. соч.* С. 419. С. 242.

МАХДИ АМЕЛЬ

МАРКС В «ОРИЕНТАЛИЗМЕ»
ЭДВАРДА САИДА...

Махди Амель (1936–1987, настоящее имя Хасан Хамдан) – общественный деятель, марксист, с конца 1960-х – один из идеологов Ливанской коммунистической партии (ЛКП). Изучал философию в Университете Лиона, где сотрудничал с ливанскими и французскими коммунистами, имел тесные контакты с движением за независимость Алжира. Большое влияние на него оказал Луи Альтюссер. В конце 1960-х вернулся из Алжира в Ливан, работал учителем в школе, преподавал в Ливанском университете, тогда же формально вступил в ЛКП и участвовал в ее реформировании³. В 1987 году вошел в состав Центрального комитета ЛКП. Убит исламистами в 1987 году⁴.

Давайте остановимся на этой цитате, прежде чем читать текст Маркса, с которым спорит Саид.

Существует неравное сотрудничество между Востоком и Западом – так установила ориенталистская мысль, а от нее исследователь на Западе не может избавиться, даже если он не ориенталист. Это значит, что всякая западная мысль будет по отношению к Востоку ориенталистской, поскольку смотрит на Восток через призму этой традиции и потому что этот Восток – Восток ориентализма, а не Восток сам по себе. И отношения между Востоком и Западом в западной мысли находятся во власти логики ориентализма, и никакие идеи не могут выйти за ее рамки, даже если это идеи Маркса. Текст, приведенный выше, явно настаивает на этом как на общем принципе, применимом как к Марксу, так и ко всем остальным. И дело тут не в том или ином конкретном мыслителе. По сути, это принципиальный вопрос. Идеи, доминирующие в нации, есть идеи этой нации, которые свойственны всем принадлежащим к ней индивидам, подобно ориенталистской традиции, господствующей на Западе. В ее рамках размышляют все западные исследователи, ведь «ни один ученый [...] не может противостоять давлению собственной нации или научной традиции, в которой работает»⁶.

Существует неравное сотрудничество между Востоком и Западом – так установила ориенталистская мысль, а от нее исследователь на Западе не может избавиться, даже если он не ориенталист. Это значит, что всякая западная мысль будет по отношению к Востоку ориенталистской.

Это тот всеобщий интеллектуальный закон, который сформулировал Эдвард Саид, основываясь на отрицании исторического классового характера идей и отрицании борьбы и противоречий между ними. Поле идей во всяком обществе – это, согласно Саиду, лишь поле доминирующей интеллектуальной традиции, а структура данного поля очень проста, она сводится к структуре самой [доминирующей] мысли, то есть ничего, помимо нее, не существует. Структура этого поля, в действительности определенная материальными социально-историческими факторами, [с точки зрения Саида] не является сложной структурой, сплетенной из множества противоречащих и про-

6 Там же. С. 418–419.

тивоборствующих идейных структур, включенных в исторический процесс, объединенный классово-социальными противоречиями. Напротив, у Саида она является монолитной структурой, которая, несомненно, является интеллектуальной структурой господствующего класса. Он же представляет ее как идейную структуру всей нации.

Посредством подобного утверждения, которое позволяет читателю обнаружить некоторые признаки того, что на нашем политическом жаргоне называется «националистической мыслью», внутренние противоречия в сфере классово-идеологической борьбы между противоборствующими интеллектуальными структурами подменяются отношениями внешнего противоречия между идеями нации и индивида. Однако [согласно Саиду] индивид не способен интеллектуально сопротивляться доминирующим идеям своей нации. Так что, в конце концов, нация побеждает, а индивид ей подчиняется, потому что так решил универсальный закон, определяющий [ход] интеллектуальной истории. Это закон господства национальной идеи, за пределы которой индивид не может вырваться, кроме как иногда, то есть в исключительных случаях, которые скорее подтверждают ее господство, нежели опровергают. Ведь исключение подтверждает правило в том смысле, что это лишь отклонение. И это исключение в интеллектуальной сфере не является антитезой доминирующей, или господствующей, мысли. Отсюда возникает вопрос: почему идея, доминирующая в господствующем классе, является правилом, а ее антитеза – исключением? [...]

Текст Саида, который мы прочитали, попал в такую же ловушку: как толковать Маркса и его отношения с Востоком и ориенталистской мыслью? Является ли он исключением из этой мысли или же принадлежит к установленному Саидом правилу? Это замешательство видно в начале текста («иногда бывали и исключения»): тут читатель может подумать, что Маркс – это исключение из правила ориенталистской мысли и определяющего ее принципа. По крайней мере начало текста намекает на это. [...]

В этой связи читателю будет полезно увидеть, какие из идей делают мысль Маркса исключением из правила, а в чем она подпадает под него. Если мы вернемся к саидовскому тексту, то обнаружим, что Маркс выходит за пределы ориентализма, осуждая страдания людей Востока, но вновь покоряется ему [правилу], когда рассуждает об исторической необходимости трансформаций восточных обществ. На этом толковании следует остановиться поподробнее не только потому, что оно демонстрирует плохое понимание Маркса, но также поскольку оно демонстрирует интеллектуальную структуру, с помощью

МАХДИ АМЕЛЬ

МАРКС В «ОРИЕНТАЛИЗМЕ»
ЭДВАРДА САИДА...

которой Эдвард Саид интерпретирует текст Маркса. С точки зрения чувств, сочувствия, переживаний, иными словами эмоционально, Маркс, согласно автору, выходит за пределы ориенталистской мысли. Но он возвращается в них, когда говорит с позиции разума. Его будто раздирает борьба между сердцем и разумом. Похоже, что сердце Маркса принадлежит Востоку, а разум – Западу, так что, когда говорит сердце, разум молчит и ориентализм терпит поражение. Но, если заговаривает разум, ориентализм одерживает верх, и тогда Маркс говорит об исторической необходимости.

Внутренние противоречия в сфере классово-идеологической борьбы между противоборствующими интеллектуальными структурами подменяются отношениями внешнего противоречия между идеями нации и индивида.

Между тем, что в последующем тексте Эдвард Саид называет «человеческим сочувствием», и между объективным научным анализом исторической необходимости существует противоречие, которое сложно примирить: либо одно либо другое – мысль или примыкает к первому, поскольку встает на сторону Востока против ориентализма, либо примыкает ко второму, то есть ориентализму, следуя логике западной мысли. Будто бы идея была рациональной именно потому, что она западная. И единственный подход, с помощью которого можно избежать впадения в логику западной мысли, – это, напротив, *духовный* подход Востока. Восток опирается лишь на сердце, без разума – ведь разум, по определению, закреплен за Западом – то есть с позиций «приверженности жизненным силам, наполняющим восточную культуру», и путем «идентификации» с ними.

Так, согласно автору, стал возможным «величайший вклад Массиньона»⁷ в сферу востоковедения – благодаря его подходу к Востоку, который опирается на «личную интуицию с духовными измерениями», отличающую его от остальных ориенталистов. Это духовно объединяет Массиньона с Востоком и позволяет ему преодолеть рамки ориенталистской традиции – или время от времени вырываться за ее пределы. Мы говорим «время от времени», чтобы быть справедливыми к Саиду и не приписывать ему слов, которых он не говорил. Ведь он, несмотря на восхищение способностью Массиньона в его исследованиях быть приверженным «жизненным силам» Вос-

⁷ Луи Массиньон (1883–1962) – французский востоковед, исследователь ислама, в частности, суфизма, последователи которого делают акцент на мистицизме, эзотерике и аскетизме.

тока, считает, что «в одном отношении, несмотря на масштаб личности и исключительную эксцентричность, представления Массиньона о Востоке оставались вполне традиционными и ориенталистскими»⁸. Однако Саид не уточняет, по крайней мере в этом тексте, в каком именно отношении идеи Массиньона остаются таковыми. Чтобы доказать это, мы приведем весь пассаж, хотя он и будет содержать некоторые повторения:

«Ни один ученый, не исключая Массиньона, не может противостоять давлению собственной нации или научной традиции, в которой работает. В том, что он говорит по поводу Востока и его взаимоотношений с Западом, в значительной мере чувствуется развитие и даже простое повторение идей других французских ориенталистов. Однако можно допустить, что его уточнения, личностный стиль, индивидуальный гений смогли бы, в конце концов, преодолеть политические рамки, безлично действующие через традицию и национальную среду. Но, если и так, в случае Массиньона мы должны также признать, что в одном отношении, несмотря на масштаб личности и исключительную эксцентричность, представления Массиньона о Востоке оставались вполне традиционными и ориенталистскими»⁹.

Этот фрагмент начинается с того, что преподносит читателю общий принцип националистической мысли, о котором мы говорили выше. Этот принцип истинен в отношении как Массиньона, так и Маркса. Здесь мы приводим эти имена вместе, поскольку саидовский «Ориентализм» указывает только на эти два возможных исключения – и потому, что оба они используются как пример для выделения Другого. Они также проливают свет на метод анализа в данном произведении и логику, направляющую мысль автора. Именно критика этой логики является сутью критики саидовского толкования, или саидовского прочтения, текста Маркса. Никто не может выйти за пределы этой националистической мысли, будь он хоть Массиньоном, хоть Марксом. На этом настаивает текст. Но он поправляется и приоткрывает окошко для [такой] возможнос-

8 Саид Э. *Указ. соч.* С. 419.

9 Продолжение цитаты: «Согласно его представлениям, исламский Восток был духовным, семитским, трайбалистским, радикально монотеистическим, неарийским – набор прилагательных, напоминающий каталог антропологических описаний конца XIX века. Жизненный опыт войны, колониализма, империализма, экономического подавления, любви, смерти и культурного обмена у Массиньона неизменно проходит сквозь фильтр метафизических, предельно дегуманизированных категорий: “семитский”, “европейский”, “восточный”, “западный”, “арийский” и т.д. Эти категории структурируют мир и придают ему своего рода глубинный смысл (по крайней мере для Массиньона). В другом отношении на фоне индивидуальных и бесконечно детализированных концепций научного мира Массиньон сумел занять особую позицию. Он воссоздавал и защищал ислам от Европы, с одной стороны, и защищал ислам от его собственной ортодоксии – с другой. Эта интервенция на Восток – а это была именно интервенция – в качестве вдохновителя и защитника означала одновременно признание Массиньоном инаковости Востока, как и его попытку сделать Восток таким, каким хотелось бы ему. У Массиньона были одинаково сильны и воля к знанию о Востоке, и воля к знанию от его лица» (Там же).

ти, сознавая, что на чисто исследовательском уровне есть вероятность существования индивидуального гения – и только он способен преодолеть этот общий принцип, определяющий мысль нации.

Однако логика не гарантирует необходимости существования такой возможности, ведь это лишь воля случая, или вероятность, и она, другими словами, выходит за рамки рационального, и ее нельзя интерпретировать на основе рациональности. Как индивидуальная гениальность, которая определяется не сама по себе, а как выход за пределы разума нации [...]. Как если бы автор «Ориентализма» в этом аспекте своей мысли косвенно воскрешал категории, правившие в господствующей – то есть доминирующей – мысли XIX века, которая заменяла противоречия, [связанные] с социальными отношениями *классового характера*, будь то в интеллектуальной, политической или экономической сфере, на противоречия *индивидуального характера* между индивидом и обществом, индивидом и нацией или индивидом и государством. В подходе, возрожденном националистической мыслью, между личностью и нацией социальных противоречий нет. В области этой традиции, если ограничиться разговором о ней, развитие этого противоречия не может иметь другого направления, кроме того, что задает одна из сторон конфликта – нация, не учитывающая другой [стороны] – индивида. Это означает, что мысль нации всегда доминирует в данном противоречии, его природа определяется таким господством. [...]

В противоречии, которое возникает между индивидом и нацией в интеллектуальной сфере и вне ее, индивид всегда остается подчинен нации, даже если в чем-то отклоняется от нее. Что же до нации, то ей свойственно постоянство, будто она перманентно воспроизводится и, по сути, повторяется. История в развитии этого противоречия не более чем процесс, в ходе которого нация утверждает свое превосходство над личностью. Будто бы история не была историей, а Запад оставался Западом с доантичных времен до [древних] греков и до наших дней. [...]

Что же до Маркса, то он подвергается куда большей критике Саида, чем Массионьон, и не удостоивается той похвалы, которую Саид высказывает последнему. Те слова Маркса о Востоке, которые кажутся исключением из правила, вырывающимся за рамки ориенталистской традиции, на самом деле не являются таковыми. Именно это утверждает Саид с величайшей уверенностью, не оставляющей и тени сомнения, и доказывает в своей книге, подкрепляя это одним текстом Маркса, на котором полностью основывается его приговор. Саидовским прочтением руководит логика, которая направляет критику им ориентализма и его интеллектуальной структуры. Я полностью проци-

тирую слова Маркса, чтобы мы могли критиковать то, как его толкует Саид:

МАХДИ АМЕЛЬ

МАРКС В «ОРИЕНТАЛИЗМЕ»
ЭДВАРДА САИДА...

«Однако, как ни печально с точки зрения чисто человеческих чувств зрелище разрушения и распада на составные элементы этого бесчисленного множества трудолюбивых, патриархальных, мирных социальных организаций, как ни прискорбно видеть их брошенными в пучину бедствий, а каждого из членов утратившим одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они ни казались бы, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы...

Вызывая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными целями и проявила тупость в тех способах, при помощи которых она их добивалась. Но не в этом дело. Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, оказывается, способствуя этой революции, бессознательным орудием истории.

Но в таком случае, как бы ни было прискорбно для наших личных чувств зрелище разрушения древнего мира [перед лицом истории]¹⁰, мы имеем право воскликнуть вместе с Гёте:

Если мука – ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал?»¹¹

[...] Что говорит Маркс в этом тексте? Если читатель задаст себе этот вопрос, который мы в свою очередь задаем автору «Ориентализма», то необходимо искать ответ в тексте Маркса, а не в поэзии Гёте. Переворачивать эти отношения между текстом [Маркса] и цитатой [Гёте] было бы ошибкой и искажением их обоих. Но именно это делает Эдвард Саид. Интерпретируя текст Маркса, он отбрасывает первые два абзаца, а от третьего оставляет только стихи Гёте, которые вырывает из контекста идей Маркса, дабы поместить в контекст собственных мыслей. Таким образом, они приобретают другой смысл, отличный от того, что был в изначальном контексте, и Саид продолжает толкование, в котором Гёте затмевает Маркса, и удовлетворяется чтением поэзии одного для понимания взглядов другого.

10 Фраза есть в немецком оригинале, но отсутствует в «Ориентализме».

11 МАРКС К. *Британское владычество в Индии* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1957. Т. 9. С. 135–136.

Возвращаясь к цитате, мы видим, что в первых двух абзацах речь идет о процессе в рамках диалектического материализма – объективном историческом процессе, разрушающем социальные структуры, присущие патриархальному строю в Индии, которому способствуют английский колониализм и экспансия капитализма. Естественно, это подается с позиций их осуждения, [...] но важнейшее в этом тексте – вопрос, который четко сформулирован следующим образом: «Может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии?» [Фокус] текста Макса – на проблеме революции и ее необходимости как условия для освобождения человека в Азии.

Существует большая разница между тем, чтобы способствовать революции и осуществить ее. Это разница между материальным процессом, который закладывает фундамент нового, уничтожая старое, и целенаправленным движением, возникающим в идеалистическом представлении, отрицающем материальное противоречие.

Если мы спокойно и разумно прочитаем первый абзац цитаты, то увидим, что на пути этого освобождения стоят именно эти «идиллические сельские общины», которые остаются «прочной основой восточного деспотизма» и которые ограничивают «человеческий разум самыми узкими рамками». Это значит, что историческая необходимость требует разрушения этих обществ для освобождения истории, ведь только так человек сможет освободиться. Истории и человеку не уйти от этой необходимости, которая в истории [выражается] в неизбежности революции. [Маркс пишет] с позиции объективного хода истории и его неизбежности, а не с точки зрения морали или гуманизма. Маркс рассматривает процесс разрушения азиатских обществ и их слома, а также отношения между этим процессом и английским колониализмом и видит в Англии «бессознательное орудие истории», способствующее революции. [...] Существует большая разница между тем, чтобы способствовать революции и осуществить ее. Это разница между материальным – то есть объективным – процессом, который закладывает фундамент нового, уничтожая старое, и целенаправленным движением, возникающим в идеалистическом представлении, отрицающем материальное противоречие, будто это [целенаправленный] процесс «воскрешения Азии, утратившей жизненные силы», как в тексте Саида.

Итак, есть большая разница между тем, чтобы Англия была, как у Маркса, «бессознательным орудием истории» в объективном процессе, который развивается в логике диалектического материализма, не зависит от сознания и воли человека и даже идет против них, и тем, чтобы [Англия] была повелительницей истории в рамках целенаправленного процесса, где история развивается в соответствии с осознанной ориенталистской, или империалистической, идеологической логикой. И эта разница зиждется на двух разных теориях истории: первая – материалистическая, вторая – идеалистическая, или субъективная. Толковать текст Маркса в рамках последней, как это делает Эдвард Саид, неправильно. Особенно учитывая, что Маркс говорит «перед лицом истории», очевидно, использует стихотворение Гёте в этой связи. Интерпретация Саида не ограничивается тем, что со счетов сбрасываются первые два абзаца: также опускается выражение «перед лицом истории» в последнем абзаце, хотя именно в нем заключается смысл текста и им определяется смысл стихов Гёте.

МАХДИ АМЕЛЬ

МАРКС В «ОРИЕНТАЛИЗМЕ»
ЭДВАРДА САИДА...

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

